

DOI : 10.31857/S086919080009059-1

АРАБСКИЙ ВОСТОК: СТАРЫЕ ДИСБАЛАНСЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

© 2020

А.О. ФИЛОНИК ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID 0000-0001-7455-0361; fao44@mail.ru

Резюме: В статье рассматриваются некоторые характерные для Арабского Востока вопросы, способные оказать заметное воздействие на его дальнейшее развитие. Арабский мир прошел насыщенный событиями путь от завоевания политической самостоятельности до текущего момента, на котором фиксировались разные для каждой конкретной страны региона ситуации в экономической, политической и многих других сферах человеческой деятельности. Их многовариантность отражает разнообразие Арабского Востока, который демонстрировал на протяжении десятилетий разные модели развития, но с началом XXI в. стал склоняться к единому рыночному варианту хозяйственной работы под влиянием активных международных и сложных внутренних процессов, приведших к разрушению ряда значимых стран региона. Следствием негативной динамики стало усиление дифференциации в регионе, который представлен тремя группами стран, разительно отличающихся по уровням развития и благосостояния. Развернувшаяся арабская драма существенным образом расширила ареал бедности за счет ранее относительно благополучных государств, обострила накопившиеся экономические и иные противоречия в регионе, усугубив исторически складывавшиеся дисбалансы и формируя новые вызовы. В середине 1970-х гг. арабский мир в лице аравийских монархий послал колоссальный вызов Западу. Революция цен на нефть спровоцировала массовое движение за энергосберегающие технологии, которые дали западному миру мощный импульс к переходу к всеобщей модернизации на основе новейших открытий в области науки и высоких технологий. Арабский мир, естественно, не обращал только «в себя» и взаимодействует с внешним миром с разной степенью интенсивности. Но в целом он, не преодолев накопившиеся дисбалансы, стоит перед новыми вызовами и даже угрозами, поскольку во многом воспроизводит сложившиеся экономические модели и нуждается в притоке современных идей, инвестиций, технологий и знаний.

Ключевые слова: дисбалансы, вызовы, войны, арабский мир, аравийские монархии, нефтеэкспортеры, нефтеймпортёры, развитие, экология, технологии, инвестиции.

Для цитирования: Филоник А.О. Арабский Восток: старые дисбалансы и новые вызовы. *Восток (Oriens)*. 2020. № 2. С. 106–118. DOI: 10.31857/S086919080009059-1

THE ARAB EAST: OLD IMBALANCES AND NEW CHALLENGES

© 2020

Alexander O. FILONIK ^a^a – Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
ORCID ID 0000-0001-7455-0361; fao44@mail.ru

Abstract: The article discusses some issues specific to the Arab East, which can have a significant impact on its further development. The Arab world has passed an eventful path from gaining political independence to the current moment, on which situations were different for each country in the region in the economic, political and many other spheres of human activity. Their multivariance reflects the diversity of the Arab East, which for decades had demonstrated different development models, but with the beginning of the new century began to lean toward a single market option for economic activity under the influence of active international and complex internal processes that led to the destruction of a number of significant countries in the region. The negative dynamics resulted in increased differentiation in the region, which is represented by three groups of countries that are strikingly different in levels of development and well-being. The ongoing Arab drama significantly expanded the range of poverty at the

expense of previously relatively prosperous states, exacerbated the accumulated economic and other contradictions in the region, aggravating the historical imbalances and creating new challenges. In the mid-1970s, the Arabian monarchies sent a huge challenge to the West. The oil price revolution provoked a massive movement for energy-saving technologies, which gave the Western world a powerful impetus for the transition towards modernization based on the latest achievements in the fields in science and high technologies. The Arab world, of course, is not only turned into “itself”. It interacts with the outside world with varying degrees of intensity. But in general, without overcoming the accumulated imbalances, it will face new challenges and even threats, since it largely reproduces the previous economic models and needs an influx of modern ideas, investments, technologies and knowledge.

Keywords: imbalances, challenges, wars, the Arab world, the Arabian monarchies, oil exporters, oil importers, development, ecology, technology, investment.

For citation: Filonik A.O. The Arab East: Old Imbalances and New Challenges. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 2. Pp. 106–118. DOI: 10.31857/S086919080009059-1

Обстоятельства, в которых ныне существует Арабский Восток, многообразны и диверсифицированы. Создавались они не только событиями на внешнем его периметре, но и внутри него самого, издавна обладающего собственной спецификой, обусловленной географическим расположением, природной средой, племенной организацией, исламом. Эти данности и диктовали развитие хозяйственной деятельности, в которой находилось место караванной торговле и оседлому земледелию, кочевому хозяйству и морскому промыслу, некоторым другим видам хозяйства, которые веками определяли пути развития арабской общины.

На такой основе, доминировавшей весь период новой истории, складывались круг привычных занятий, приемы земледелия и производства, формы имущественных отношений, вызревала система исламского партнерства. Параллельно формировались производственные навыки населения, трудовые предпочтения, вырабатывались взгляды на власть и стереотипы ее восприятия.

И в новейшей истории приобретенные знания и опыт продолжали воздействовать на общественное сознание, определять приоритетность занятий, материально модифицировать образ жизни уже в рамках соответствовавшего эпохе роста технического уровня нации и стартовавшей диверсификации производительных сил. Это явление, общее для всего арабского мира, ярче выражено в Аравии из-за спрессованности во времени изменений, которым она подверглась в связи с обнаружением нефти. Именно тогда стали размываться аллегорические фигуры Абдаллы аль-Баррий и Абдаллы аль-Бахрий, которые олицетворяли всего две категории населения, делившего на землепашцев и рыбаков, сообразно всего двум малопродуктивным видам занятости, ныне утратившим исконные черты.

Сохранявшееся хозяйственное наследие в ходе реформ было замещено более подвижным социально-экономическим организмом, который в последовавшие периоды на разных своих флангах десятилетиями находился в чередовании экономических депрессий и подъемов, политических потрясений и социальных противоречий и регулярно сталкивался с угрозами и вызовами, преодоление которых оборачивается для него немалым ущербом. Конфликты на Арабском Востоке нанесли их участникам в период с 1991 по 2010 г. потери в 12 трлн долл. бюджетных средств [Stratfort, Feb.6.2017]. Наглядным примером может служить беспрецедентный конфликт внутри арабского мира в последние десять лет, в результате чего ущерб вовлеченным странам вырос до нескольких триллионов долларов. Как следствие, вырос разрыв между меньшинством из числа наиболее зажиточных стран региона и той его частью, которая, будучи изначально составленной экономически неблагополучными странами, позднее пополнилась прежде средними по

уровню хозяйственного развития государствами, ставшими жертвами разрушительной войны с Исламским государством.

В связи с неординарными последствиями нелишне кратко проследить эволюцию арабского мира, чтобы оценить его переход от тотально отсталого аграрного организма к статусу субъекта международных отношений, накопившего достаточно весомый экономический и внешнеполитический потенциал.

В течение столетий регион функционировал как часть Османской империи в виде зависимых провинций, служивших источником колониальной ренты для султанской Турции. Большая часть территорий хронически пребывала в глубоком застое, что способствовало их отсталости и превращению в сплошную зону с ограниченными возможностями воспроизводства.

Сменивший эту эпоху XX век резко изменил экономический и социальный статус арабских стран. Они не остались в стороне от двух мировых войн, новых идеологий, национально-освободительной борьбы, завершившейся возникновением суверенных государств. Эти события внесли огромное разнообразие в жизнь арабского сообщества. Заставили его полностью изменить вектор исторической динамики, провести коренные реформы в интересах индустриализации и модернизации экономических и политических институтов. Они осовременили социальную структуру, вызвали к жизни более эффективные способы общения власти с населением, привели к обновлению механизмов преобразования многих сторон арабской жизни, активировав и другие средства мобилизации внутреннего потенциала государства и общества.

Новые точки роста складывались не вдруг. Изменения имели разный охват и масштабы, осуществлялись разными силами, вследствие чего преобразования имели неравномерный характер. Но в ходе их были реально заложены основы углубленной дифференциации арабских государств по экономическим, политическим и социально-институциональным показателям. Оставались большие лакуны в виде «не выплывших» отраслей и даже целых стран, которые не смогли или не успели воспользоваться прошедшими десятилетиями и образовали устойчивую периферию арабского региона, который и сам в целом трудно выходил еще не вполне окрепшим из пореформенного периода, начавшегося со второй половины прошлого века. Он растянулся на довольно длительное время, но к середине 1970-х гг. на Арабском Востоке уже складывались новые реалии, сыгравшие решающую роль в его последующей дифференциации.

В регионе выделилась группа крупнейших производителей и экспортеров нефти. Осознание ими исторической несправедливости отстранения от распоряжения собственными ресурсами привело к национализации недр и революции цен на углеводороды, что колоссально изменило расстановку сил в регионе.

Более того, заявив о себе как о влиятельных игроках, способных использовать нефть в своих интересах, «углеводородные» арабские государства сообщили огромный по значению импульс массовому переводу индустрии Запада на энергосберегающие технологии. И в настоящем это направление предстает как магистральное, воспринятое в подавляющем большинстве стран мира, в том числе и в самих арабских поставщиках традиционного горючего.

Еще одним важным следствием арабских действий стало внедрение в мировую финансовую систему исламского банкинга, который последовательно расширяет зону влияния за пределы арабского ареала.

В принципе указанные моменты можно считать «столбовыми» в новейшей истории региона. Они показали, что арабский мир способен инициировать процессы и явления и ощутимо влиять на положение дел на своих территориях и в мировой экономике. Обогащая ее в той или иной степени результатами своей деятельности, он заодно получает возможность и более четко обозначать свои претензии на место и роль на мировой экономи-

ческой арене и даже создавать новые направления, принимаемые глобальными игроками. Иначе говоря, нефтяные монархии приобрели огромные конкурентные преимущества, что позволило им занять позиции, совершенно отличные от тех, что являются ординарными для большинства их соседей по региону.

Вполне логичным на этом фоне выглядит дальнейшее разведение арабского мира по уровню благосостояния на импортеров и экспортеров нефти. У последних этот процесс активизируется за счет всех доступных возможностей роста – от превращения в банковские, транспортные, финансовые центры до развития крупнейших рекреационных, спортивных, выставочных объектов.

В противоположность экономикам Персидского залива, схожим по экономическим показателям и материальному благосостоянию, в остальной части арабского мира достижения в экономике менее вариативны. Внешняя результативность в немалой части определялась, во-первых, низким исходным уровнем экономического старта, во-вторых, величиной относительных данных, которые в их абсолютном выражении могли и не быть особенно впечатляющими. В связи с чем свидетельства экономического и социального расслоения только росли, хотя негативизм этого явления накапливался постепенно и редко прорывался наружу до событий 2011 г.

При всем этом война с Исламским государством¹, экстремизм которого не идет ни в какое сравнение с любым авторитарным режимом на Арабском Востоке, довела подвергшиеся нападению государства до коллаптоидного состояния, лишив их возможности развиваться естественным путем, а отторгнутые халифатом территории были переформатированы под исламские законы и использовались как источник средств для финансирования боевых действий. В результате на обширных пространствах в продуктивной деятельности возникли колоссальные дисбалансы, началось отмирание целых отраслей, нарушилось единство внутреннего рынка, расплодилось теневые структуры, вообще «вандализировалась» вся среда обитания. Итогом же стало расширение зоны нищеты и бедности.

Спровоцированная потеря равновесия расшатывает экономические устои арабского мира, усиливает разнотемповость его роста и сводит к минимуму возможности сглаживания разрыва между аутсайдерами и лидерами.

Текущие реалии, складывающиеся в «поствесенний» период, требуют энергичных мер для восстановления экономического фундамента и эффективности воспроизводственных механизмов Сирии, Ирака, Ливии, Йемена. Однако, учитывая масштабы потерь и откат участников конфликта с террористическими формированиями и внешними силами на десятилетия назад, можно предположить, что процесс оздоровления будет затягиваться не только для вовлеченных в противостояние субъектов, но и опосредованно для всего арабского сообщества.

В открывающуюся эпоху длительной реконструкции и модернизации наиболее пострадавшей части арабского мира рост экономического благосостояния все же логично ожидать не здесь. Центром его останутся экспортеры нефти, у которых больше шансов на сближение с развитыми экономиками мира, тогда как для ослабшей части арабского социума даже обычная хозяйственная активность будет проблематичной. Такой расклад только усилит контраст между богатыми и бедными государствами региона, чуть ли не половина которого не сможет развиваться без регулярного обращения к внешним источникам накопления. Но это беда не только обездоленных стран. Даже сохраняющие тонус избежавшие деградации страны среднего достатка, например Марокко, Тунис, Иордания, едва ли могут уверенно обходиться без внешней «подкормки».

¹ Организация запрещена в Российской Федерации.

«Восстановительные» результаты на разрушенных территориях, скорее всего, будут проявляться в виде отдельных ниш с небольшой вероятностью быстрого слияния их в более крупные очаги продуктивной работы. С этой точки зрения, если процесс реконструкции и окажется более успешным, то и тогда скорость распространения и усвоения достижений в богатой и бедной средах будет различаться существенно. Поэтому даже ощутимые для истощенных арабских экономик сдвиги едва ли могут сравниться по количественным и качественным показателям с тем, что за одинаковые промежутки времени может быть реализовано в развитых арабских сегментах мирового хозяйства.

Потенциально все арабские страны выступают в разной степени как потребители зарубежных технологий. Однако в значимых объемах технические новации не могут быть востребованы большинством из них в силу не только санкций, но и прямого отсутствия возможностей закупать современное промышленное оборудование из-за банального отсутствия ресурсов. В результате оно недопустимо малыми дозами проникает на арабские рынки, затрудняя их подтягивание к доминирующему технологическому укладу, который предполагает постоянное обновление всей линейки средств труда и производства. Системное подключение к нему не только означало бы увеличение товарной массы в арабском обороте и повышение конкурентоспособности национальной продукции, но и подстегивало бы потребление как ключ к оживлению рынков в странах, где не складывается благоприятная экономическая конъюнктура.

Но сложно ожидать изменения сложившейся ситуации настолько, что она позволит рассчитывать на преодоление экономического отставания и социальной неустроенности всего лишь от эпизодических действий (линейные меры просто невозможны), связанных с копированием западных шаблонов ускорения роста. Тем более что западные модели преобразования вызывают настороженное отношение в арабской среде.

Целые группы населения еще воспринимают модель потребительской идеологии как чуждую категорию, которая «находится в противоречии с традиционными привычками и национальными предпочтениями местного населения, которые редко выходят за рамки необходимого» (Цит по: [Филоник, 2011, с. 187]).

Такой вывод выглядит естественным для практики отстающих арабских стран. Но явно менее характерен для капиталоизбыточных, где обильно расходуются ресурсы на улучшение жизнеобеспечения и поддержание потребительского спроса. Они активно множат примеры локализации новейших разработок в интересах энергетики и добывающих отраслей, примеряются к проблемам в области робототехники и искусственного интеллекта в развивающихся национальных центрах, подчеркивают причастность к освоению космического пространства. Работа на этих направлениях повышает их статус и способствует повышению технического уровня нации, создавая условия для активного подключения к современным источникам научного прогресса, получения знаний по естественнонаучным дисциплинам, информатике и ознакомления с достижениями в гуманитарной сфере. Став адептом современных практик, аравийские монархии методично превращают субрегион в эффективный транспортный узел в зоне Индийского океана. Приступили к прокладке железных дорог, что, видимо, не представляется абсолютно необходимым для жизнеобеспечения малых экономик, имеющих к тому же густую сеть первоклассных автобанов. Но работа над этими темами открывает их понимание прогресса в его современном звучании и свидетельствует о преодолении ими многих дисбалансов, осложняющих существование дефицитных арабских стран. В любом случае все эти действия поднимают имидж монархий как самодостаточных государств, имеющих влияние на сырьевых рынках в качестве как индивидуальных, так и коллективных участников, намеренных в полный рост встретить свое будущее в одном ряду с западным миром.

Применительно к отстающим арабским государствам такая практика не представляется возможной. Они в значительных долях, как указывалось, зависят от иностранной

финансовой помощи, которая обусловлена выполнением социально недружественных рекомендаций. Выполняя их, ряд стран среднего уровня развития только обострил дисбалансы, что привело к критическому ухудшению жизни людей и закончилось сильнейшим взрывом протестов в 2011 г.

Тем не менее в глазах окружающего мира, имея в своем составе в целом успешно функционирующих аравийских нефтеэкспортеров, весь арабский экономический организм «приобретает качества, которые, так или иначе, уводят его от прежнего и привычного состояния, которое часто ассоциировалось... с определенной хозяйственной вялостью, низкой дееспособностью его воспроизводственных механизмов и инертностью социокультурных структур» [Исаев, Филоник, 2019, с. 122]. Это замечание соответствует действительности, но с той оговоркой, что указанные черты непреходящи и имеют характер «долгоиграющих». Они подспудно сохраняются на местах и особенно рельефно выступают на фоне многогранной динамики аравийского сегмента. Будучи имманентными, эти явления заметно сказываются на возможностях устойчивого развития и на экономической безопасности большей части территории региона, вышедшей из войны с более чем ощутимыми потерями.

При таком балласте здесь трудно даются реформы, а полученных результатов мало для уверенного роста. Причина в том, что упор делается на выпуске низко- и среднетехнологической продукции, сохраняются низкая производительность труда и его капиталовооруженность, велика зависимость от нестабильных внешних доходов, разбалансированы инвестиции и сбережения, экспорт и импорт и т. п. Все это не помогает росту, который попеременно может возникать на одних направлениях и тут же дезавуироваться падением показателей на соседних, а такая подвижность не может придать процессу накатного и ощутимого развития.

На этом фоне проникновение цифровой идеологии в региональные страны второго и третьего эшелонов тормозится неготовностью к массовому отказу от традиционных технологий, неспособностью мобилизовать поддержку частного национального капитала, вообще планомерно осуществлять стратегии роста. Расчет может быть только на «многочисленные молодые поколения, более свободные в выборе путей выхода на инновационно обустроенные рынки... а главное, лучше подготовленные к работе в условиях цифровой экономики, чем более консервативная старшая часть населения» [Бочарова, 2018, с. 25].

Но и этот фактор реализуется явно не сразу, поскольку сложен и затратен для большинства арабских экономик. Потребуется время, чтобы Арабский Восток был готов к переходу на широкополосный формат и в достаточной мере компьютеризирован. Необходимостью должна стать и потребность совершенствования методов администрирования экономики и обслуживания бюрократических структур в их общении с потребителями информации и т. п. Одной только, пусть и развитой, мобильной коммуникации недостаточно, даже несмотря на то, что она стала средством действенной политической мобилизации на пике драматических событий в странах региона.

Со временем начинающийся переход к элементам «умной экономики» как наиболее продвинутой стадии электронно-цифровых отношений может стать продолжением общего движения к базисным преобразованиям в рамках замещения старых технологий новыми. Возникнув, он будет протекать с разной скоростью в зависимости от условий конкретных арабских стран и по мере втягивания их в мирохозяйственные связи, без чего рыночное общение для них осложнится (см. подр.: [Исаев, Филоник, 2016]).

В настоящем арабский мир может лишь относительно небольшими сегментами и скромно представлять во внешнем круге. Между тем именно в нем определяется содержание глобальных процессов, формируются представления о правилах общения в мировом рыночном пространстве, продуцируется инновационная активность, вообще

концентрируется деятельность, по каналам которой транслируются законы современного роста. Это очень серьезный вызов для арабского мира, который вместо консолидации фрагментируется по растущему числу показателей и превращается не столько в участника экономического прорыва, сколько в наблюдателя его.

Даже аравийский авангард, имея более качественные характеристики производства и жизнеобеспечения и превышая по ряду показателей совокупные возможности остального региона, все же остается полностью зависимым от западных разработчиков технологий, которые руководствуются только экономической целесообразностью и политическими интересами. Возникновение дестабилизирующих факторов в этих условиях может иметь драматические последствия, если вовремя не окажется средств предотвращения перехода их в критические.

На этом, отнюдь не выигрышном фоне остальные арабские страны оказываются в худшем положении. Стоящие перед ними проблемы уже давно приобрели характер хронических. На постоянно воспроизводимые трудности финансового, энергетического, продовольственного, демографического порядка непрерывно растет давление климатического фактора, дефицита водных ресурсов, что несет ощутимую угрозу будущему этих стран.

Очевидно, что и сегодняшняя мировая динамика не приведет к ослаблению дисбалансов на Арабском Востоке, но лишний раз даст повод подчеркнуть его как бы двойное отставание, с одной стороны, в результате ухода вперед его собственного нефтяного сегмента, а, с другой, вследствие нарастающего отрыва от основных фигурантов глобального рынка, назидательно демонстрирующих свою «недогоняемость». Малорезультативная гонка арабских режимов за лидером, скорее, дает внешнее ощущение причастности к общемировому тренду, а на самом деле угнетает массовое сознание и порождает неуверенность в инструментарии, привлекаемом правящими режимами для достижения целей. В этом плане наиболее иллюстративно мнение сторонников зеленого роста, требующих сохранения среды обитания при ускорении экономического роста (см. подр.: [Филоник, 2019]).

Нельзя сказать, что арабские государства игнорируют защиту своего хабитата. Но активность вокруг обостряющихся природных проблем, которые очевидны всем, нередко носит поверхностный характер. Серьезное недовольство вызывается нарастающими экологическими диспропорциями, которые буквально подводят к критическому ущербу экосистемам от опустынивания, засоления, повышенных выбросов газов и других видов загрязнения, для борьбы с которыми нужны уже изощренные технологии, доступные только избранным странам региона.

Присутствие в атмосфере парниковых газов увеличилось за неполные 15 лет почти в два раза и уже в первой половине десятилетия достигло более 1000 т с 90%-ным содержанием углерода [Rodolfo, 2019]. Видимо, не случайно опросы общественного мнения показывают, что 95% арабов уверены, что правительства их стран делают недостаточно для улучшения окружающей среды [2017 Report, p. 12].

Одна из возможностей улучшения среды обитания кроется в развитии альтернативной энергетики, в частности гелиоэнергетики. Но в арабском мире ее доля резко отстает от мировых показателей и не превышает 1% от данных по неарабской части мира. Тем временем арабская экспертиза утверждает, что даже при наличии некоторых признаков улучшения в экосфере они могут иссякнуть в любой момент под влиянием конфликтов, войн и нестабильности [2017 Report, p. 15]. Экологическая проблематика имеет глобальное измерение, происходящие в ней процессы глубоко взаимосвязаны и обусловлены, и арабский мир как вмещитель крупнейшей пустыни способен оказывать влияние не только на природу, но и на экономическое поведение хозяйствующих субъектов.

Глобализация как универсальное явление, в рамках которого реализуются проекты зеленого роста, чистой экономики, экологической безопасности, даже с этой точки зрения не накрыла одновременно весь арабский мир. В ее лоно он втягивается постепенно и неравномерно, и прежде всего именно экономической своей составляющей, сообразно с имеющимися ресурсами. Именно ресурсный фактор создает неравенство возможностей, породившее дисбалансы в арабском мире и драматическое размежевание в среде «бедных и менее бедных стран, создающих товарную массу с параллельным увеличением задолженности, которая быстро растет... под влиянием существующих двух простых параметров в виде собственно этой задолженности и цен на нефть, доминирующих в глобальной модели, тогда как национальные институты и политики пытаются воздействовать на следствия обоих параметров каждый применительно к своему случаю» и, конечно, «с разными результатами по странам» [Galbraith, 2018, p. 15]. Нарушение гармонии между этими двумя составляющими не столь редкое явление, в том числе и в арабском мире, где велико представительство именно стран такой категории, для которых «балансовое» последствия могут приводить к серьезным осложнениям и гарантировать сбой в реализации программ развития.

По данным на 2012 г., только десять арабских государств являются членами ВТО, семь – наблюдателями в этой организации. При этом шесть из десяти членов первой группы представлены самодостаточными в экономическом отношении государствами – монархиями Персидского залива. При всей важности членства в ВТО для этих последних присутствие среди основных участников организации, видимо, все же менее актуально, чем для остальных, которые в качестве развивающихся государств могли бы рассчитывать на некие преференции и льготы. Однако при определенной ангажированности ВТО Ирак, Сирия, Ливия, Йемен, а также Ливан, Алжир и Судан едва ли имеют много шансов воспользоваться приоритетным вниманием к своим нуждам со стороны мирового торгового сообщества.

В любом случае новые экономические реалии складываются не для всех арабских стран благополучно с точки зрения возможностей и перспектив их взаимодействия с мировым рынком. Ситуация такова, что ведущая роль в глобализационном процессе принадлежит отнюдь не арабским государствам. В новом веке существенно выросло значение крупнейших развивающихся рынков Азии и Китая при сохранении позиций США и Европы. Среди ведущих мировых экспортеров товаров и услуг с минимальным присутствием в интенсивном международном движении товаров только для ОАЭ нашлось близкое к концевому место во второй десятке лидеров. Саудовская Аравия заняла лишь предпоследнее место уже в третьей десятке. В мировом импорте в числе тридцати ведущих стран также числятся эти два арабских государства. В списке же ведущих импортеров услуг из стран Азии указанным двум государствам принадлежат уже срединные места (Использованы данные: [Цветкова, 2017, с. 51, 52]).

Такое распределение приходится считать естественным, отражающим реальное положение дел в арабской экономике как таковой. Если понимать глобализацию как трансформацию мирового хозяйства в единый рынок товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и знаний, то далеко не по всем показателям арабы могут претендовать на видные места в международных рейтингах. Возможно, есть формальный повод, отталкиваясь от операций с капиталами и углеводородами и, отчасти, услугами, при случае трактовать их как знаковое свидетельство арабского присутствия в глобальном обмене, но преимущественно в виде аравийского крыла. С точки зрения, например, внешне ориентированного высокопрофессионального рынка труда и широкого зарубежного использования национальных научных кадров арабская сторона практически не имеет шансов рассчитывать на спрос. Ни качественно, ни количественно носители живого труда не могут конкурировать в такой высококомобильной среде, как мировое экономическое пространство.

Этот параметр зримо компенсируется присутствием в системе мировых торгово-экономических отношений региональных поставщиков наиболее ликвидной углеводородной группы, хотя и в неполном составе. В первой десятке нефтеэкспортеров в 2018 г., по материалам XII Евразийского форума в Вероне, находились четыре арабские страны – КСА, Ирак, ОАЭ, Кувейт, «отвоевавшие» 34.5% мирового экспорта углеводородов, по сравнению с шестью другими лидерами в лице РФ, Канады, Ирана, США, Нигерии и Казахстана, доля которых составляла 33.2% [Катасонов, 2019].

Приведенное соотношение показывает, что арабы все же могут, но только в благоприятных условиях, полноценно функционировать на одном из главнейших рынков планеты. И этот факт свидетельствует о том, что они, вероятно, смогут достигать целей и в других областях, если им удастся суммировать экономические потенциалы. Однако сегодня существует только одна действующая региональная интеграционная система. Это Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), который уже только одним этим фактом резко выделяется на фоне своих соседей по БВСА, не говоря о других составляющих. Сложившийся в ряде аспектов по примеру Европейского сообщества и образованный сходными между собой по ряду параметров аравийскими монархиями, ССАГПЗ способен на действия, которые нетипичны для большинства арабских стран (см. подр.: [Филоник, Яковлев, 2004]).

Эти последние скромно вписаны нефтяным сегментом в мировой рынок. Из-за неравенства воспроизводственных потенциалов они дробят свои усилия и сильно проигрывают в отношениях с внешними контрагентами. Взаимодействуя с ними на индивидуальной основе, арабские страны не воспринимаются как экономическая сила, способная отстаивать групповые интересы, и выступают в роли слабых партнеров, не рассчитывающих на преференции или иные привилегии. Они функционируют на рынке изолированно, каждый на свой страх и риск. Даже межарабский обмен продуктами и товарами десятилетиями остается невысоким, составляя около 10%. Впрочем, это находит объяснение в том, что номенклатура выпускаемой продукции остается примерно одинаковой. Объединение этой категории стран в рамках региональной интеграции не видится, по крайней мере сейчас, возможным, поскольку имеются и другие «долгоиграющие» условия, препятствующие образованию экономических союзов.

Экономически слабые арабские страны вынуждены перенапрягать силы и средства для решения проблем, которые чреваты дальнейшим ухудшением жизненных параметров. Речь о крайне затратных процессах – цифровой перестройке мирового экономического пространства и развернувшейся модернизации на базе инновационного развития производительных сил. В потоке нахлынувших новаций арабскому миру нелегко адаптироваться к быстро меняющимся реалиям и еще труднее добиваться синергии действий, которые могли бы способствовать собиранию сил, а не их разведению. Созданная этими факторами ситуация вырастает в суровую действительность для большей части малоодоходных арабских государств, оказавшихся, по сути, наедине с экономическими вызовами и политическими рисками еще одной волны, мешающей им преодолевать периферийность развития.

Такая перспектива обрушивает надежды на обретение капиталододефицитными странами большей устойчивости перед лицом вызовов, активно формируемых под воздействием качественно новых технологий, которые вопреки своему назначению все же едва ли смогут гарантированно вывести на новый виток роста страны уязвимой группы.

На этом фоне развивающимся странам, включая и арабские, непросто компенсировать технологический разрыв с ядром мировой экономической системы. Как минимум, им «придется разрабатывать новую модель экономического развития без ориентации экспорта в развитые страны с опорой на внутренний спрос. Этот спрос... может быть обеспечен только за счет повышения роли государства, кейнсианской модели регулирования

экономики и значительной внешней помощи при повышении роли перераспределительных процессов в ущерб рыночным механизмам» [Акимов, 2019, с. 15].

Пока этот путь, направляемый государством, действительно просматривается как единственно возможный при отсутствии надежных альтернативных вариантов. После пережитых кризисов и разрушений крайне сложно выстроить надежные модели роста, не подкрепленные достаточными инвестициями в подъем хозяйства. Их нехватка едва ли может быть компенсирована за счет исламской экономической солидарности аравийских монархий. Они сами не гарантированы от проблем и к тому же имеют свои политические интересы в арабском мире, что и определяет избирательность их щедрости.

Видимо, уделом немалой части Арабского Востока, который испытал разные стратегии, замкнулся в одних случаях на капиталистическом пути развития, в других воспринял «социалистическую» ориентацию или вступил на некий «третий путь», на неопределенное время останутся экономическое бессилие и социальная неустроенность.

Внутри этой категории государств, изначально достаточно неоднородных по стандартам благополучия, произошло сближение по показателям возросшей бедности и нищеты после утраты огромных материальных активов, оскудения человеческого потенциала, крушения прежних лозунговых целей и духовных ценностей.

Изменившийся вектор движения на текущем этапе видится как опасный для арабского мира в целом, который и раньше не был достаточно отмобилизован, чтобы противостоять вызовам без привлечения всех жизненных сил. Сейчас он, видимо, еще менее готов к решительным действиям, поскольку технические направления, на которых он все же относительно преуспел за истекшее время, сейчас нивелированы настолько, что едва ли годятся под площадку для рывка, способного придать огромному и в немалой своей части разлаженному организму качественное ускорение.

В связи с этим общий рецепт западных наблюдателей для Арабского Востока перенести центр тяжести на массивированные инвестиции в инфраструктуру и акцентировать темы высшего образования, развития науки и техники едва ли сможет эффективно работать, поскольку издержки значительно превышают располагаемые возможности небогатых стран.

Корректность выбора цели доказана только впечатляющим опытом аравийских монархий, которые, однако, далеко не однородны в своем технотронном обустройстве. И здесь есть свои лидеры и свои отстающие. Но и от них остальные страны, переживающие последствия гражданских войн и конфликтов, остаются далеко в стороне. Перед ними, имевшими ранее относительно дееспособные экономики, ближайшая задача состоит не в накоплении предпосылок поступательного роста, а в первоочередном преодолении хозяйственной разрухи и восстановлении целостности внутреннего рынка. Хотя нельзя отрицать, что оба этапа имеют органическую связь и дополняют друг друга, но в рамках существенного временного лага (см. подр.: [Филоник, Вавилов, 2004]).

В целом же арабский мир, представленный конгломератом экономик, движется в русле глобальных процессов в борьбе со старыми дисбалансами и отнюдь не стремительно вписывается в современные экономические реалии. Его позиция по многим экономическим и социальным вопросам современности часто выглядит реактивной, а эволюционный подход временами преобладает настолько, что может резко снижать энергичность действий из-за инертности разного рода «стейкхолдеров», внутренних противоречий или внешних вмешательств.

Ныне не приходится говорить, что уже давно арабский мир перестал быть гомогенным образованием. Это вполне разнородный по множеству показателей и параметров самостоятельный субъект мировых экономических отношений и существенный компонент в системе международного разделения труда. И сегодня он уже не может рассматриваться с позиций прошлого как социально-экономический агрегат, коллективно пребываю-

щий в состоянии глубокого хозяйственного упадка. Кроме, конечно, государств, которым придется заново формировать новые очаги промышленного производства, чтобы выйти на стабильные точки роста.

Как и на любом из предшествующих этапов, перед арабским миром стоит непреходящая задача завоевания надежных позиций, сулящих экономическую самостоятельность, социальную безопасность и политическую стабильность. Он вышел из зависимого прошлого далеко не готовым к тому, чтобы с ходу преодолеть отсталость и добиться опережающего роста. Десятилетиями копились ожидания, но полученных результатов не хватило, чтобы Арабский Восток целиком мог сократить исторический разрыв и развиваться по примеру новых индустриальных стран Востока, поскольку велики пережитки исторической инертности и довлеет бурное настоящее, постоянно отвлекающее гигантские средства на непроизводительные цели.

По этой причине возникает ощущение, что арабский мир, как таковой, как бы «толчется» на месте, имея довольно слабые шансы преодолеть ситуацию, при которой обречен функционировать в режиме догоняющего развития с тенденцией застревать на отдельных участках движения, как это произошло в 2011 г. (см. подр.: [Филоник, 2012]).

Его нынешняя копия отличается от оригинала конца 2000-х гг., когда казалось, что среднего уровня арабские экономики, несмотря на постоянные проблемы, стали как бы обретать некую зрелость в ходе реформ и даже получили перспективу дополнять друг друга в достижении национальных целей за счет подключения к глобализационным процессам и при опоре на внешние, в частности аравийские, инвестиции.

Возможно, на то время ситуация в каких-то аспектах и напоминала описанную. Но сейчас такой вывод дезавуируется тем, что реформы по рекомендациям МВФ отнюдь не всегда оканчиваются благополучно и даже демонстрируют своего рода обратный эффект. При этом иностранных инвестиций не хватает, поскольку они склонны оседать в нишах, где меньше внеэкономических рисков.

В коллективном прогнозе развития арабских стран до 2050 г. (ИБ РАН) отмечалось, что «...существует сонм мощных, так или иначе стопорящих развитие факторов. Они и поныне допускают только медленную трансформацию арабских обществ в современный социально-экономический организм, сопряжены с тяготением к периферийным формам социальной и экономической организации, определяют неохотное втягивание общества и предпринимательского сословия в процессы экономической либерализации и приватизации. В целом мощное нарушение устоявшегося положения вещей рассматривается как угроза укоренившимся иждивенческим настроениям и противоречащим принятым в местной среде понятиям социальной справедливости. Глубокие корни явления не дают оснований считать, что такие настроения могут быть изжиты уже в обозримом будущем и не будут оказывать влияния на процессы даже за пределами прогнозируемого периода» [Филоник, 2013, с. 11].

Сказанное убеждает, что пеструю экономическую и социальную действительность арабского мира практически невозможно сфокусировать в одной точке, в которой мог бы отразиться один, единственно возможный, вариант развития. Арабский мир не становится предсказуемым, о чем свидетельствуют события, наполнявшие первые два десятилетия нового века. Этот период едва ли не самым шокирующим образом сказался на процессах развития, которые казались устоявшимися, требующими только ненавязчивой корректировки.

На этом фоне устойчивость экономического роста и вопросы безопасности по-прежнему остаются главной целью всех правящих режимов, независимо от их страновой принадлежности. Все они в разной степени опасаются массовых явлений дестабилизирующего порядка и перехода в хроническую стадию любых проблем, расположенных к такой эволюции.

Угрозы самого разного происхождения довлеют над арабским миром и имеют обще-арабскую природу. Здесь в любой из сфер имеются болевые точки, которые могут целенаправленно или произвольно возбуждаться, удерживая арабское руководство в постоянном напряжении из-за множественности причин, способных привести к нарушению стабильности и безопасности даже по внешне малозначащим поводам.

Вероятно, не по всем параметрам арабский мир адекватен императивам современного экономического роста, и это является основным препятствием для его модернизации в соответствии с потребностями даже текущего уклада, не говоря о перспективах его эволюции в более высокую форму. Существующие институты власти, управления, мобилизация, распределение в большинстве своем, так или иначе, ориентированы на воспроизводство сложившейся экономической модели и далеко не во всем отвечают требованиям и возможностям развития конкурентоспособной хозяйственной среды, которая нуждается в регулярном притоке национальных и иностранных инвестиций, технологий, знаний. И это главный вызов, который способен сдерживать перевод большинства арабских экономик на инновационный курс, за которым будущее.

Тем не менее даже пребывая в крайне турбулентной экономической и политической среде, которая создается внутренними напряжениями и провоцируется ускорением мировых процессов, арабский мир не сохраняется исключительно как «вещь в себе». Он не отстранен от новых веяний и стремится, так или иначе, следовать за усложняющимися условиями и стандартами экономического роста. Однако это еще во многом тенденции, которые обозначают направления развития, но не ведут к немедленным результатам.

Особенно показателен пример аравийского капитала, который активно поставляет Западу углеводороды, внедряясь в него элитами, финансами, промышленными активами. Но тем не менее не становится своим среди чужих, неся на себе тень нынешнего неустройства и пертурбаций, охвативших арабский мир на целое десятилетие и явно сулящих не менее беспокойное будущее.

В этом для Арабского Востока, видимо, и заключается смысл текущей действительности, которая настоятельно требует преодоления множественных расшатывающих экономический дисбалансов и сковывает рост. Арабские экономики скорее всего не смогут оперативно усваивать в нужных дозах новые реалии в виде «зеленой», т.е. чистой, экономики с ее опорой на цифровизацию, микроэлектронику, информационно-инновационные технологии. Если это так, то региону, по всей видимости, предстоит лишь с растущим отставанием следовать в привычном русле догоняющего развития с перспективой увеличивать разрыв от лидеров без особой надежды минимизировать дисбалансы и смягчать вызовы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Акимов А.В. Перспективы новых технологий в странах Ближнего Востока: основные тренды и варианты развития. *Восточная аналитика*. Вып. 3. 2019. С. 7–17 [Akimov A.V. Perspectives of the New Technologies in the Middle Eastern Countries: Main Trends and Variants of Development. *Eastern Analytics*. Issue 3. 2019. Pp. 7–17 (in Russian)].

Бочарова Л.С. Арабский мир в поисках эффективной стратегии роста. Арабский мир и экономические вызовы. Многоликая реальность. *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 11. М.: ИВ РАН, 2018. С. 13–26 [Bocharova L.S. The Arab World in a Search for the Effective Strategy of Growth. The Arab World and Economic Challenges. Many-Faced Reality. *Works of Institute of Oriental Studies RAS*. Issue 11. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2018. Pp. 13–26 (in Russian)].

Исаев В.А., Филоник А.О. *Катар. Три столпа роста*. М.: ИВ РАН, 2015 [Isaev V.A., Filonik A.O. *Qatar. Three Pillars of Growth*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2015 (in Russian)].

Исаев В.А., Филоник А.О. Новая роль суверенных фондов в экономическом развитии арабских монархий Персидского залива. *Вестник Московского университета*. Сер. 13. Востоковедение.

2019. № 4. С. 109–126 [Isaev V.A., Filonik A.O. The New Role of the Sovereign Funds in the Economic Development of the Arabian Monarchies at the Persian Gulf. *Bulletin of Moscow University. Ser. 13. Oriental Studies*. 2019. No. 4. Pp. 109–126 (in Russian)].

Карасонов В. Мировой рынок нефти: кто же на нем «царь»? 26 октября 2019 [Katasonov V. World Oil Market: Who is its «Tsar»?]. October 26, 2019 (in Russian)] svpressa.ru/economy/article/247333 (accessed: 20.01.20).

Филоник А.О. Арабский мир: современный континуум и развитие. *Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия*. М.: ИВ РАН, 2011. С. 184–223 [Filonik A.O. The Arab World: Modern Continuum and Development. *What Does Catch-Up Development Run After? A Search for the Concept*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2011. Pp. 184–223 (in Russian)].

Филоник А.О. Вокруг «арабской весны»: социально-экономические процессы в арабском мире (общее и особенное). *Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* М.: ИВ РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова. Факультет мировой политики, Институт стран Азии и Африки, 2012. С. 32–71 [Filonik A.O. Around the “Arab spring”: Socio-economic processes in the Arab World (General and Particular). Middle East, Arab Awakening and Russia: What Then? [Moscow. Institute of Oriental Studies RAS, Lomonosov Moscow State University. Faculty of International Policy, Institute of Asian and African Studies, 2012. Pp. 32–71 (in Russian)].

Филоник А.О. Сценарии развития арабских стран до 2050 г. *Оценки и идеи. Институт востоковедения РАН*. Бюллетень. Т. 1, № 4, июль 2013. С. 1–16 [Filonik A.O. Scenarios of the Arab Countries Development Up to 2050. *Views and Ideas. Institute of Oriental Studies RAS*. Bulletin. Vol. 1, No. 4. July 2013. Pp. 1–16 (in Russian)].

Филоник А.О. Зеленая экономика как акцентированный клон устойчивого развития (на примере отдельных арабских стран). *Арабский Восток. «Зеленый» рост и вызовы современности*. М.: ИВ РАН, 2019. С. 352–383 [Filonik A.O. Green Economy as an Advanced Copy of Sustainable Development. *The Arab East. Green Growth and Challenges of Modernity (case of some Arab countries)*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2019. Pp. 352–383 (in Russian)].

Филоник А.О., Вавилов А.И. *Саудовская Аравия: в поисках внутренней гармонии*. М.: ИВ РАН, ИИИБВ, 2004 [Filonik A.O., Vavilov A.I. *Saudi Arabia: in search of internal harmony*. Moscow. Institute of Oriental Studies RAS, Institute of Israeli and Middle Eastern Studies, 2004 (in Russian)].

Филоник А.О., Яковлев А.И. *Объединенные Арабские Эмираты: оживший пейзаж*. М.: ИВ РАН, 2004 [Filonik A.O., Yakovlev A.I. *United Arab Emirates: blossomed scenery*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2004 (in Russian)].

Цветкова Н.Н. Новые тенденции в глобализации: регионализация и усиление протекционизма. Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 4. М.: ИВ РАН, 2017. С. 45–66 [Tsvetkova N.N. New Tendencies in Globalization: Regionalization and Strengthening of Protectionism. Economic, Socio-Political and Ethno-Confessional Problems of Afro-Asian Countries. *Works of Institute of Oriental Studies RAS*. Issue 4. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2017. Pp. 45–66 (in Russian)].

Galbraith, James K. Inequality under Globalization: a Reprise. *DOC Research Institute. Special Report*. 2018. Pp. 1–20.

2017 Report of the Arab Forum for Environment and Development in 10 Years. Beirut, Lebanon. Pp. 1–20.

Rodolfo G. How Bad Pollution is in the Arab World Expository Essay. April 29, 2019. ivypanda.com/essays/how-bad-pollution-in-the-arab-world-essays (accessed: 25.01.2020)

Stratfort World View. *Investing in Syrian's Future. Assessments*. Feb. 6. 2017. <https://www.stratfor.com/article/investing-syrias-future> (accessed: 19.02.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ФИЛОНИК Александр Оскарович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Alexander O. FILONIK, PhD (Economy), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia.